

В. Н. Скалон

Кафедра охотоведения и зоологии.

К МАТЕРИАЛАМ О ДРЕВНЕМ СКОТОВОДСТВЕ
ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЯ

Далекое прошлое скотоводческого хозяйства Монголии представляет разнообразный интерес и далеко еще не выяснено во многих деталях. Исходя из этого, представляется желательным сделать попытку рассмотреть под новым углом зрения некоторые из имеющихся материалов из этой области, как опубликованные, так и обнаруженные вновь.

В «Трудах Секции археологии РАНИОН», 1928, том IV, опубликована обратившая на себя внимание небольшая статья под заглавием «Чикойский всадник».

В ней описывается бронзовая фигурка, подобранная в 1925 году на берегу р. Чикоя (правый приток р. Селенги) в местности Средние Дурены (рис. 1).

Фигурка представляет человека, едущего на животном, которое описывается в этой работе как лошадь, при том «типично степной азиатский конь». Позднее, как пример коня в типическом пышном уборе, трактует эту фигурку А. П. Окладников (16 стр. 143—144).

Внимательное рассмотрение данного существа заставляет однако сильно усомниться в правильности такого определения. Только шея ездового животного может считаться похожей на соответствующую часть лошади. В основном же это несомненно бык, притом очень удачно изображенный. Особенно характерны ноги и копыта, вовсе не похожие на конские. Затем все туловище никак не схоже

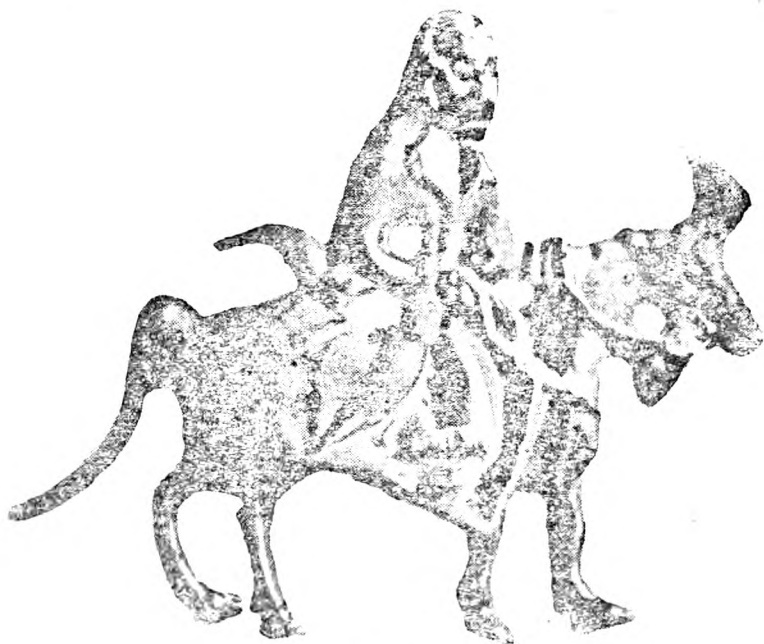

Рис. 1

с конским, тем более «типичным степным азиатским конем». Совершенно коровий хвост. Наконец — рога, в которых авторы статьи почему-то решили видеть челку. Грива вовсе не видна на приведенной в статье фотографии. Зато все детали седла и убранства животного прекрасно заметны: широкое, покойное, прочно укрепленное, оно лишено стремян; они не нужны при езде на спокойном быке, но необходимы при конском седле. Сама поза всадника вовсе не характерна для человека, гарцующего на разукрашенном, очевидно борзом коне. Это типичная посадка человека, покойно усевшегося на слабо волнующейся широкой спине быка. Да и само движение животного передано очень характерно — это спокойный бычий шаг, ничего общего не имеющий с нервным конским аллюром.

Вызывает некоторое сомнение узда. В наше время бычий повод обычно прикрепляется только к носовому кольцу. Однако есть исключения. Именно, в Монголии мне случалось видеть, что на быков, в том числе особенно на яков, у которых носовая перегородка мало чувствительна, надевают настоящую узду. При этом ремень проходит вокруг морды на уровне углов рта, завязывается узда за рогами и крепится обязательно ремнем через нижнюю челюсть, а иногда второе крепление устраивается сверху, перед глазами. Даже повод иногда бывает двойной, обычно в случае крепления за носовое отверстие, сквозь которое протернута веревка. Были такие узды и в древности. Это хорошо видно на скифском изображении головы быка, находящемся на серебряной фаларе из Старобельского клада Харьковской области, которая воспроизведена в работе Боровка (2, 11, стр. рис. 2).

Рис. 2

Обратившись к целому ряду археологических раскопок в Западном Забайкалье, производившимся Талько-Гринцевичем, мы увидим, что вскрытые им могильники, отождествляемые по времени с описываемым изображением, не содержат остатков лошадей, в то время как быки в них наиболее обычны (18, 19, 21, 22); что же особенно для нас важно, так это находки в могилах сбруи, при

наличии остатков одних быков (22). Очевидно, эти люди пользовались именно быками, как ездовыми животными.

Несомненно, что люди тех времен использовали рогатый скот и для пашни. Об этом прежде всего говорит интересная писаница из местности Дурбильджан на Тале, на снимок которой, хранящийся в музее в Улан-Баторе, обратили мое внимание монгольские историки Ринчен и Пренлай (рис. 3). В правой части посередине на ней виден человек, идущий за примитивнейшим плугом, запряженным рогатым животным, несомненно быком. Следовательно, употребление рогатого скота было в те времена разносторонним, притом шире, если не предшествовало коневодству.

Рис. 3

При сравнении фигуры быка на писанице с животным Чикойского всадника замечается сходство в своеобразной форме их рогов. Очень характерен и хвост. Он имеет некоторое расширение в форме кисти. Только у быка под всадником она расположена у основания репицы, а на писанице — по ее середине.

Важно отметить, что археологические материалы дают нам гораздо более точные изображения быков, обитавших в те времена в бассейне Селенги.

Рассматривая Ноин-Уильский ковер, выставленный в музее Улан-Батора, я обратил особое внимание на фигуры вышитых на нем быков. Их довольно малоудачные фотографии имеются в «Кратких отчетах экспедиции по исследованию Северной Монголии». Но С. А. Теплоухов

относит их почему-то к якам (23, стр. 21) и Г. Т. Боровка так же говорит, что «очевидно имелось в виду представить туземную в средней Азии породу яков». (2, стр. 25).

Трудно найти в этих животных что-либо напоминающее яка для всякого, кто встречался с этими животными. Желание же авторов рисунков изобразить яков тем менее вероятно, что яки в Монголии в те времена едва ли были. Эти чисто тибетские, высокогорные животные завезены в Монголию гораздо позднее, вероятно при Чингисханах.

Несомненно, однако, что художники, изображающие животных и на бронзе, и на скале, и на шелку (рис. 4) имели в виду одну и ту же породу со своеобразными рогами и особенно хвостом. Породу, которая в те эпохи была характерна для бассейна Селенги и существенно отличалась от современной.

Рис. 4

Обратимся к суждению названной статьи о том, кто были люди эпохи Чикойского всадника.

Из анализа одежды всадника и сравнения ее с одеждой фигуры, срисованной Потаниным (17, табл. X*), см. рис. 5) с камня, находящегося близ Улусутая, авторы статьи приходят к выводу, что народ, обитавший эти

*) Относящийся к таблице текст помещен на стр. 67—68, описание без комментариев.

удаленные районы, был единым. Следовательно, народ этот был значительным, мощным распространенным широко.

Но были ли улясутайские современники чикойского всадника «пехотинцами» (стр. 326 названной статьи)?

Фотография, приложенная к статье Лекока (12, рис. 6), в точности схожа с рисунком Потанина, за исключени-

Рис. 5

ем одного, а именно: из-под ковра, на котором сидит скрестивши ноги, изображаемая персона, в обе стороны высовываются до половины ветвисторогие олени.

Спутник Лекока монгольский ученый Ринчей любезно разъяснил мне, что рисунки эти есть одно и то же. Разница лишь в том, что тщательно очистив поверхность камня, Ринчен обнаружил эти важнейшие, но ускользнувшие от внимания Потанина детали.

Уже одна эта находка позволяет считать, что улясутайцы тех времен так же были «кавалеристами», только они ездили на покрытых коврами оленях в то же время, когда селенгинцы одевали седла на быков.

Рис. 6

В специальной работе я пытаюсь обосновать подробно утверждение, что в далекой древности Западная Монголия была страной оленеводства. В данной же заметке коснемся этого вопроса лишь попутно.

Вероятность сосуществования оленеводства с использованием рогатого скота в Монголии, подтверждается рядом наскальных изображений, особенно хорошо подчеркивается приводимой Дурбильджанской писаницей, описанной нами в совместной работе с П. П. Хороших (20, стр. 61. см. рис. 3).

На ней слева мы видим сцену охоты, погоно вооруженных луками людей за группой животных, включающей основных охотничьих зверей Монголии тех времен: таёжные (лось), подтаёжные (козуля), горно-степные (горный баран) и альпийские (горный козел). Справа — мирная сцена пашни, а над ней, в нарочито спокойной позе, прекрасно вырисованная фигура северного оленя, подчеркнута противопоставленная панически бегущим от человека диким его родичам.

Очевидно такая разница в формах хозяйства тех времен в восточной и западной Монголии обуславливалась какими-либо природными особенностями, развившимися тогда между собою возможно так же, как разнятся они с тем, что мы имеем сейчас.

Действительно, множество фактов убеждают нас в том, что некогда климат Монголии был совсем иным. Западная часть ее, ориентировочно определяемая границами котловины великих озер (Киргиз-Нур, Упса-Нур и др.), была влажной лесистой страной, вероятно богатой горными тундрами.

В то же время данные исторической географии, вместе с современными наблюдениями, касающимися наступления леса на степь в бассейне р. р. Селенги, Керулена и Онона, говорят о том, что ранее бывший здесь засушливый период сменился современным влажным, способствующим облесению страны.

Все это произошло во времена геологически новые. Высыхание (и вероятно опускание, см. 13, стр. 50) Западной Монголии определялось поздне-четвертичным тектоническим поднятием Саян и Тану Ола, которое продолжается и до сих пор. Этот процесс не мог не иметь огромного влияния на фауну и флору прилежащих районов, как с юга, так и с севера. Отражение его на истории некоторых видов млекопитающих было нами прослежено в специальных работах (18, 19). Все эти изменения протекали на глазах человека и оказали, разумеется, глубокое, отчасти решающее влияние на судьбы культуры народов, населяющих эти районы.

Говоря об этом, нельзя не подчеркнуть, что огромность последствий этих тектонических явлений вовсе не уменьшалась от того, что они были явлением местным. Дело в том, что следуя теории Л. С. Берга, согласно которой никакого изменения климата в сторону усыхания на земном шаре не было с древнейших времен, многие авторы склонны отрицать факты усыхания Западной Монголии, которое подтверждается многими фактами. В частности это подчеркивается в работах Э. М. Мурзаева (15, стр. 68). Нет никакого основания рассматривать изменения климата Западной Монголии как часть общемирового явления усыхания. Оно есть следствие причины локальных, но тем не менее чрезвычайно существенно.

Наоборот, увлажнение бассейна р. Селенги есть результат процессов более общего порядка, которые воздействовали и на Восточное Забайкалье, на бассейн Лены и т. д. Будучи большим по размаху, оно не отразилось так сильно на культуре народов, ибо изменения, которые были им вызваны, не оказались столь резкими. Однако и с ними нужно считаться в оценке того дальнего по времени, но близкого по живому интересу периода.

В заключение, следует остановиться на соображениях о возможных связях восточно-монгольского скотоводства времен Чикойского всадника. Они должны были иметь место в отношении стран, где эта форма хозяйства в то время несомненно существовала, именно, Центральной Азии, Тибета и Средней Азии. При этом, прежде всего, следует принять во внимание, что Западная Монголия должна была по условиям тогдашнего ландшафта служить решительным препятствием для такого рода общения. Наоборот, южные пути были значительно более доступны и даже благоприятны. Мы располагаем многочисленными данными, что климат территорий, прилегающих к Монголии с юга, был в интересующие нас эпохи иным.

В связи с изложенным уместно сказать несколько слов о судьбе исчезнувших городов Центральной Азии, как древнейший Лоу-Лан, более поздний Хара-Хото и так далее.

Одним из наиболее древних городов Центральной Азии может считаться Лоу-Лан, развалины которого открыты были в пустыне Текла-Макан (в начале этого столетия). Найденные в нем документы относятся к 270 году нашей эры. Исследовавший их Свен Гедин говорит, что Лоу-Лан благоденствовал как раз в начале нашей эры, лежа на древнейшей шелковой дороге между Китаем и Западом и далее «около IV-го века Лоу-Лан был разрушен варварами. Он и окружающие селения исчезли после того, как в это время или несколько позднее Лоб-Нор высох и откочевал на юг, и Тарим изменил свой курс» (4,5).

Считается, что эта теория доказана тем, что около 1921 г. Тарим вернулся в русло, которое он занимал 1000

лет назад и сделал пустыню пригодной для обитания человека.

Не вдаваясь в общий разбор данных о Лоу-Лане, отметим только, что самый факт «кочевки» Тарима и Лоб-Нора следует рассматривать как следствие изменения климата в сторону усыхания. Нужно думать, что возникновение города и связанной с ним, вернее вызвавшей его культуры, происходило гораздо ранее, когда лежащие к востоку от него пространства имели иные условия орошения. Да и в отношении бассейна самого Тарима Г. Е. Грумм-Гржимайло убедительно доказывает, что падение культуры в нем объяснимо только вторжением пустыни (6, стр. 451).

Хара-Хото, видимо, моложе Лоу-Лана, но все же достаточно древен. По высказыванию многих авторов его можно отождествлять с «Эдзиной» Марко Поло (24, стр. 160).

Согласно китайским анналам Йен, территория Эдзины называлась «Си-Хай» и была подведомственна древнему городу Кну-йен. Эдзина была взята монголами в 1226 году. В 1283 г. там была учреждена префектура. В том же году было указано завести (вероятно восстановить) там сельское хозяйство, причем войска помогали населению проводить ирригационные каналы. По данным Юен-хе там засевалось тогда более 9000 десятин (24, стр. 161).

Палладий утверждает, что само название города «Эдзина» установилось только при Хубилае. Он учредил на этом месте военный пост и крепость (там же).

Поскольку известно, что Хара-Хото гораздо древнее, надо предполагать, что старый, восстановившийся после разгрома город принял название новой крепости. Значение слова «эдзина-эдзин» монголы переводили мне как «хозяин-владелец». Это так же придает нашему предположению вероятность. Впрочем, согласно китайским источникам, слово «эдзина» равнозначно «эшине» и на тангутском языке означает пустыня (24, стр. 161). Можно думать, что поскольку эти места отличались некогда плодородием, такое толкование мало вероятно.

Во всяком случае А. И. Иванов, на основании изучения найденных в Хара-Хото документов, приходит к вы-

воду, что при монголах название этого города было Ицзинь, а Хара-Хото есть позднее переименование (8, стр. 816). Возникновение здесь городского поселения относится ко временам древнейшим и восстанавливался город неоднократно. Так Г. Е. Грумм-Гржимайло установил, что во времена династии Юань Эдзина была восстановлена из развалин и стала центром обширной провинции (6, стр. 62).

Об Эдзине своего времени Марко Поло говорит, что «ее жители владеют множеством верблюдов и скота; они живут за счет хлебопашества и скотоводства, так как они не торговцы». Интересно то, что к этому он добавляет, что «этот край производит множество речетов и балобанов», что во времена Хубилая, владельца колоссальных соколиных охот, было немаловажным делом. «В этом городе, — говорит он далее, — надо забирать продовольствие на сорок дней пути» (24, стр. 160), поскольку предстоял переход через пустыню.

Как известно, во времена Хубилая существовал прямой путь через Эдзину на Каракорум, и жители должны были иметь хороший сбыт сельскохозяйственных продуктов.

Найденные П. К. Козловым многочисленные предметы земледельческой культуры, как в развалинах города, так и далеко вокруг (3, стр. 456) позволяют считать, что сельское хозяйство здесь было мощным и длительным.

Очевидно, что такая культура не могла возникнуть в маленьком оазисе, а имела обширную природную базу. О том, что она была, говорят обнаруженные Козловым развалины земледельческих сел далеко в стороне от Хара-Хото и значительных долин, некогда освоенных земледельческим населением (8, стр. 557), о величине пригодных для распашки площадей косвенно говорят описанные другими авторами остатки погибших лесов в районе Хара-Хото.

Рассуждая о судьбе Ляу-Лана и Хара-Хото Э. М. Мурзаев пишет: «причиной гибели этих городов является изменение направления течения рукавов рек, изменение направления основных русел, умирание тех водных артерий, которые ранее питали пашни и создавали оазисы» (14, стр. 184).

Очевидно, что к Хара-Хото такое упрощенное суждение применить нельзя. Как указывает Козлов, русло Эдзин-гола и сейчас находится в 18 км от его развалин (3, стр. 425). Ясно, что это расстояние слишком ничтожно, чтобы вызвать не только гибель города, целой культуры, но даже чтобы сместить его местоположение. Это тем более, что существует предание, будто монголы взяли город, отведя канал, который снабжал его водой (Грумм-Гржимайло, 6, стр. 62). Следовательно и тогда река была уже в стороне, а город и его округа процветали века позднее.

Культура Хара-Хото погибла под песками. Об этом ясно говорит П. К. Козлов: «Пески заметали Хара-Хото главным образом с севера» (10, стр. 111), подчеркивая беспрестанное увеличение песчаных заносов (там же, стр. 120).

Л. С. Берг решительно выступая против теории высыхания Центральной Азии утверждает, что падение культур в Центральной Азии объясняется не изменением климата в сторону усыхания, а есть следствие войн и прежде всего разрушения оросительных каналов (1, стр. 68). Не беря на себя смелость оспаривать этот аргумент, в целом может быть и справедливый, мы позволим себе, однако, высказать предположение о том, что он не применим именно к судьбе Хара-Хото. Его культура переживала разорения и воскресала, но оставалась такой, какой не может быть сейчас. Об этом достаточно ясно говорит сумма годовых осадков на Эдзин-голе. Так, в низовьях этой реки в 1928—1929 гг. выпало их всего 25 мм (14, стр. 205). Не требуется доказывать, что существование лесов и обширного сельского хозяйства, которое здесь существовало в давно прошедшие века, было возможно только при несравненно большем количестве влаги.

Приходится признать, что эти явления есть следствие глубокого изменения климата в сторону усыхания и этому есть ряд прямых доказательств.

Чернов — геолог экспедиции Козлова говорит об изменении низовьев Эдзин-гола, как о результатах высыхания страны (3, стр. 459).

Г. Е. Грумм-Гржимайло, на основании китайских источников, доказал, что 2500 лет назад ныне пустынные

местности в бассейне Желтой реки были покрыты лесами и болотами на огромном пространстве и что за 4 века до нашей эры земли чахаров были богаты пастбищами, а леса простирались на запад до Калгана (6, стр. 49).

Наконец, свидетельство Марко Поло, что Эдзина стоит на краю пустыни, через которую едут 40 дней. Об этом говорит по одному из вариантов Грумм-Гржимайло: «она бывает населена только летом, когда люди заселяют там некоторые горы и долины, в коих имеются лес и вода, зимой же там очень холодно» (6, стр. 62). Иными словами то-есть, в это время пространства к северу от Хара-Хото, ныне вполне бесплодные, могли быть названы пустыней только в том смысле, что там не было людей. И действительно, на основании исторических данных, Грумм-Гржимайло говорит, что «Гобийский Алтай, ныне полупустыня, некогда (до 5 века) служил местом кочевий мощного племени парпурумов» (6, стр. 451—452): Более того, в Хангае, в ныне совсем пустынных местах, существовали тогда китайские города. Так у Қозлова мы читаем: «Вблизи юго-западной вершины водораздельного хребта Хангай мы нашли развалины китайского города, относящегося к XIII веку, т. е. к эпохе Хара-Хото» (10, стр. 11).

В найденной там же китайской надписи говорится, что город основан в 1275 г., причем с помощью канала была отведена вода и устроено озеро. Следовательно, даже в эту позднюю для данной культуры эпоху, возможно было не только сохранение прежних баз, но и расширение сферы влияния, путем основания новых форпостов.

Нужно думать, что и этот, и, вероятно, многие другие, ныне неизвестные городки принадлежали к области подведомственной Хара-Хото и составляли целую сеть пунктов оседлости в стране, где ныне она невозможна. Можно заключить, что страна, в которой приходилось воздвигать крепости, обладала населением достаточно обильным для того, чтобы надзор за ним оправдывал эти государственные мероприятия. Очевидно также, что и далеко к северу от Хара-Хото в те времена страна была достаточно богата влагой.

Таким образом приходится признать, что и гибель древней Центрально-Азиатской культуры в некоторой части есть прямое следствие изменения климата в сторону

усыхания за исторический период, следствие процесса общего для Западной Монголии, начавшегося геологически недавно и видимо продолжающегося до сих пор.

Нет ни основания, ни надобности к предположению, будто это явление имело всеобъемлющий характер. Наоборот, будучи ярко выраженным в Западной Монголии, где стало следствием позднего и быстрого поднятия Саян, отразившись на прилежащих с юга территориях усыхание осталось местным, сосуществующим даже с увлажнением климата прилежащих стран.

Обращаясь к вопросу о связях селенгинских обитателей эпохи Чикойского всадника видно, что они могли идти южными путями в направлении Эдзины, или ее предшественников, а затем в Китай, или на запад по древней шелковой дороге на Лоу-Лан.

Фактом, подтверждающим большую дальность такого рода сношений показывает найденная в Ноин-Уильских погребениях серебряная пластинка с прекрасным барельефом буйвола. Такое изображение могло быть получено только из Индии, Индокитая или Бирмы (Рис. 7).

Рис. 7

Цитированная литература

1. Берг Л. С. — Климат и жизнь. 1947.
2. Боровка Г. Т. — «Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции». Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. АН—1925 г.
3. Вести из монголо-сычуанской экспедиции П. К. Козлова. 1909 года.
4. Гедин Свен. Загадки Гоби, 1933 г. Лейпциг (по немецки).
5. Гедин Свен. Моя жизнь исследователя. Лондон (по английски) 1931 г.
6. Грумм-Гржимайло Г. Е. «Роль пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период». Известия Г. Р. Г. О т. XV в. 5. 1938.
7. Грумм-Гржимайло Г. Е. — Описание путешествия в западный Китай. т. 2, 1899 г. СПб.
8. Иванов А. И. — Документы из г. Хара-Хото 1 в. Китайское частное письмо XIV в. Известия А. Н. № 14. 1913 г.
9. Козлов П. К. — «Монголия и Кам», 1947 г. М.
10. Козлов П. К. — «Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото». 1923 г.
11. Козлов П. К. — «Ноин-ульские памятники». Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. АН 1925 г.
12. Лекко А. «Камни с изображениями людей и животных в Монголии». Восточно-азиатский журнал. Новая серия V. Тетрадь 9. (по немецки).
13. Маслов В. П. — Происхождение и возраст хребта Тану Ола и Убсанурской котловины. Землеведение. Сборник Моск. Общ. Ист. природы. Новая серия т. II. 1948.
14. Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика. Географиз, 1952.
15. Мурзаев Э. М. Основные проблемы физико-географического изучения Монгольской Народной Республики. Проблемы физической географии XII. А. Н. Институт Географии, 1946.
16. Окладников А. П. Кель и знамя на Ленских писанинах. Тюркологический сборник, 1951.
17. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Том II. табл. X.
18. Скалон В. Н. О сылом распространении диких баранов и кулана в южной Сибири. Труды Кяхтинского музея. т. XVI. в. 1, 1949.
19. Скалон В. Н. Некоторые замечания по истории сурков. Известия Иркутского противочумного института Сибири и ДВ. т. VI:1 1950.
20. Скалон В. Н. и Хороших П. П. Об оленних писанинах север-

ной Азии. Краткие сообщения Инст. Ист. Мат. Культ. в. XXXIX. 1951.

21. Талько-Грынцевич Ю. Д. «Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами». Труды Троиц.—Кяхт. отдел. Приам. О. И. Р. Г. О. VIII в 1905 г. М.

22. Талько-Грынцевич Ю. Д. «Судженское доисторическое кладбище в Ильмовой пади». Там же, т. 1, в. 2, 1898 г. М.

23. Теплоухов С. А. — «Раскопка кургана в горах Ноин-Уля». Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова, АН—1925. год.

24. Шариньон А. И. X. Книга Марко Поло... переведенная на современный французский язык и аннотированная согласно китайским источникам. Том. 1. Пекин. 1924. (по французски).